

— И как у тебя, молодого господина, с малых лет учившегося наукам и приличиям, так гладко выходит врать? Ты говоришь куда увереннее, чем я, хотя это мне поручили опорочить твою репутацию и я всю дорогу сочинял эти байки!

Архивариус Чэнь понятия не имел, что у Цуй Цюэ две жены, а потому, выслушав Цуй Се, усмехнулся:

— И то правда! Старший брат обязан учить уму-разуму младшего, это дело естественное. С чего бы родителям таить за такое обиду?

«Этот разбойник явился в суд и смеет злословить на хозяина — видать, совсем на воле обнаглел! Сперва отсыпать ему палок для ума, а уж потом допрашивать».

Пальцы архивариуса разжались, красная дощечка с треском упала на пол, и тут же со свистом и треском обрушились бамбуковые палки. Цуй Мин заорал благим матом и, задыхаясь от соплей и слез, запричитал:

— Ваше превосходительство, ничтожный не врет! Наша госпожа — вторая жена, а старший молодой господин рожден первой супругой! Старший молодой господин...

Цуй Се с силой ударил ладонью по подлокотнику судейского кресла и с гневом и возмущением проговорил:

— Прошу ваше превосходительство немедленно заткнуть рот этому злостному слуге, пока он не осквернил имя моей матушки! Пусть он порочит мою репутацию, но моя матушка — дочь регистратора Тайчансы, пожалованная двором титулом ижань пятого ранга! Она добра и добродетельна, разве стала бы она плохо относиться ко мне лишь потому, что я не ее родной сын?

«Еще как стала бы... Где это видано, чтобы мачеха искренне любила пасынка?» — усмехнулся про себя архивариус Чэнь, но лицо его оставалось строго сощуренным. Он велел заткнуть Цуй Мину рот и всыпать ему полсотни жестоких ударов.

Вникать в семейные грязные тайны семьи Цуй архивариусу совершенно не хотелось, поэтому он сразу же перешел к делу и оформил показания о том, как слуга возводил клевету на хозяина, а также крал и распродал хозяйское добро. Сидевший рядом писарь оформил протокол допроса, передал его Цуй Се на проверку и велел поставить подпись и отпечаток пальца.

К счастью, утром Цуй Се перелистывал «Четверокнижие», на обложке которого стояло имя прежнего владельца тела. При подписи он просто открыл в голове PDF-документ, срисовал иероглифы, обмакнул палец в киноварь и поставил его отпечаток.

Цуй Мин годы напролет жил в неге и достатке, так что после порки совершенно обмяк. Однако писарь не испытал к нему ни малейшей жалости и не проявил терпения: ткнул ему в руку кисть и велел поставить отпечаток. Слуга отчаянно сопротивлялся, выкрикивая, что он второй дворецкий из дома господина Цуй Цюэ и что господин с госпожой обязательно за него заступятся.

Архивариусу Чэню сегодня еще предстояло встречать циньчая, так что тратить время на пустую болтовню он не намеревался. Взмахнув рукой, он велел утащить преступника:

— В тюрьму его. А допрос продолжит сам господин уездный начальник.

Когда Цуй Мина уволокли, архивариус Чэнь вызвал свидетелей и, указывая на улики, принесенные Цуй Се, по очереди записал их показания.

Остальные свидетели говорили лишь то, что видели своими глазами, и только кучер, с которого еще не сняли подозрения в распродаже хозяйского имущества, изо всех сил старался валить все на Цуй Мина. Он даже выложил без таи, сколько раз тот посещал подпольные публичные дома в столице и заказывал пышные пиры на десятки лянов серебра.

Не дожидаясь расспросов архивариуса Чэня, кучер принялся божиться:

— На одно лишь месячное содержание молодого господина — овощи, рыбу да мясо — уходило лянов одиннадцать-двенадцать серебром! А еще свежие снадобья, ценные лекарства, одежда из лучшего шелка, вышитые кошель, нефритовые подвески, кисти, тушь, бумага и тушечницы... Не продай он все это по дороге, откуда бы у него взялось столько денег на разгульную жизнь?!

По «Законам Великой Мин» даже кража десятка-другого связок монет влекла за собой суровое наказание. Цуй Мин же прибрал к рукам явно больше двадцати-тридцати лянов. А поскольку он обкрадывал и распродал имущество собственного хозяина, наказание увеличивалось на две степени по сравнению с обычной кражей. И если он останется в живых и отделается ссылкой за три тысячи ли, это можно будет считать великой удачей.

Архивариус Чэнь собрал показания, отправил обвиняемого под стражу и наказал свидетелям спокойно жить в уезде до тех пор, пока уездный начальник не вызовет их для повторного допроса. Теперь оставалось лишь отправить стражников в столицу, в усадьбу семьи Цуй и по местам, названным кучером, для сбора доказательств. Сам же истец, Цуй Се, был свободен.

Архивариус сошел с возвышения и мягко произнес:

— Молодой господин Цуй может со спокойной душой возвращаться к себе. Доказательства неопровержимы, так что его превосходительство господин начальник уезда Ци и я непременно восстановим справедливость.

Все равно циньчай еще не прибыл, а архивариус Чэнь хотел наладить добрые отношения с этим юношей, поэтому дружелюбно взял его за руку и с почетом проводил за двери второго зала.

Стоило им выйти, как во двор сломя голову вбежал писец и закричал:

— Четвертый господин, циньчай прибыл! Его превосходительство вошел через Западные ворота и с минуты на минуту будет у нашей управы!

Архивариус Чэнь просиял — наконец-то! Господин уездный начальник и его заместитель еще с раннего утра ждали за городом, и вот циньчай прибыл! Чэнь оправил чиновничий халат и строго приказал:

— Что за суета! Где сейчас высокопоставленный посланник? Немедленно приказать распахнуть главные ворота, приготовить чай и угощения для встречи его превосходительства!

Раздав приказания подчиненным, архивариус Чэнь повернулся к Цуй Се и со вздохом сожаления произнес:

— Мне надлежит возглавить встречу циньчая. Племянник, возвращайся пока со своими людьми домой, а в другой раз, когда выдастся свободная минута, мы поговорим обстоятельнее.

Цуй Се отнесся к этому с полным пониманием, откланялся архивариусу и в сопровождении стражников покинул управу.

Однако едва они вышли через боковые ворота, как столкнулись со стражниками, расчищавшими улицу. За торжественной процессией следовала большая паланкин, обтянутая зеленым сукном, два малых паланкина из синего сукна, а по бокам ехал отряд всадников в пышных нарядах на статных конях — вылитые цзиньивэй из исторических сериалов.

Кто-то рядом пробормотал:

— Цзиньивэй... Молодой господин, вы ведь говорили, что пострадали на службе государству и это как-то связано с цзиньивэями? Неужто эти цзиньивэй прибыли в наш Цяньань из-за вас?

«С чего бы? Я просто случайно попался им под руку, когда они вели дело, да меня один раз спасли. Никакой реальной помощи я им не оказывал».

Цуй Се качнул головой и велел своим людям поскорее перейти на другую сторону тракта. Большой телеге было трудно разворачиваться, поэтому стражники у ворот помогали им толкать ее. Эта суета привлекла внимание нескольких всадников, ехавших позади. Один из них выскочил из процессии и гаркнул:

— Кто смеет загораживать проход у дверей уездной управы?! Немедленно прочь!

Стражник у ворот тут же поклонился и поспешно ответил:

— Этот молодой господин приходил подавать жалобу. Он сын Цуй Цюэ из Министерства финансов, а рядом с ним свидетели. Они как раз уходят.

Цуй Се поневоле поднял глаза. На стражнике цзиньивэй была шапка ушамао и ярко-красный халат-еса. Его лицо показалось знакомым — кажется, это был один из двух цзиньивэев, проверявших его повозку в Тунчжоу. Тот тоже удивился, узнав юношу:

— Молодой господин Цуй, какую же жалобу ты подавал?

Пока они разговаривали, стражники раздались в стороны, и перед управой опустилась паланкин из зеленого сукна. Изнутри донесся мягкий, изящный голос с легкой ноткой наигранного любопытства:

— Молодой господин Цуй? Уж не тот ли это храбрый и доблестный воин Цуй Се, который помог цзиньивэям схватить некоего Сюя, злодея из Учения Белого Лотоса, и, получив тяжелые раны, сражался до последнего?

«...Кто?!»

Ни чистильщики колодцев, ни соседи, ни Цуй Юань с сыном, ни сам Цуй Се никак не могли связать его с образом «доблестного воина». А уж уездные стражники и подавно опешили — стояли, мыча и заикаясь, не в силах вымолвить ни слова.

Всадник-цзиньивэй спрыгнул с коня, опустился на одно колено перед паланкином и доложил:

— Именно так. Это и есть праведный муж Цуй Се.

Вслед за паланкином подъехал мужчина в чиновничьем халате бирюзово-зеленого цвета с квадратной нашивкой-буцзы, изображающей медведя. Придержав коня, он нагнулся к

подчиненному и тихо произнес:

— Капитан Дун, отступи. Молодой господин Цуй не из тех, кто способен учинить бесчинство.

Слова прозвучали удивительно мягко, а голос показался до боли знакомым — точно, это был Цяньху Се.

Цуй Се украдкой вскинул взгляд и увидел яркий бирюзово-зеленый халат-еса. На груди халата, в отличие от их прошлой встречи, красовалась нашивка-буцзы с медведем. Цяньху Се выпрямился в седле и посмотрел на него. На его губах застыла легкая улыбка, а взгляд выражал мягкость и добродушие — казалось, он приехал не с высоким поручением циньчая, а выехал на осеннюю прогулку.

Он пристально посмотрел на Цуй Се, затем наклонился к окну паланкина и произнес:

— Евнух Гао, снаружи слишком много лишних глаз. Пройдем в управу, там и поговорим.

Однако сидящий в паланкине приподнял занавеску и со смешком отозвался:

— Не спеши. Который тут праведный муж Цуй? Раз уж судьбе было угодно, чтобы мы встретились прямо у дверей управы, мне непременно хочется взглянуть на доблестного воина Цуй!

Цяньху Се ответил:

— Взгляните, уважаемый евнух, вот он. Пусть он хрупок и мал ростом, но ловок и силен. В тот день в Тунчжоу он сражался не на жизнь, а на смерть, ранил лицо некоего Сюя, того злодея, из-за чего тот лишился сил сопротивляться, и мне не составило труда схватить его и передать правосудию.

Цуй Се молча опустил голову, отвесил низкий поклон и произнес:

— Цуй Се приветствует евнуха и всех господ чиновников.

Соседи, стоявшие за его спиной, и вовсе оторопели при виде столь высоких гостей и в страхе повалились на колени.

<http://bllate.org/book/18372/1761247>